

Межевание владений и епархий

Боярская дума, значительно усилившая свою власть при малолетних царях Иване и Петре, оставила в стороне вопрос о генеральном межевании земель, столь занимавший ее и дворянство в целом в царствование Федора. Оказывается, и здесь «хилый, больной» государь был инициатором. Уже в 1677 году Федор Алексеевич, буквально осаждаемый дворянскими челобитными, послал на места межевщиков, а вслед за ними чиновников для наказания дворян, казаков и крестьян, кои, «скопясь многолюдством, бунтом со всяким ружьем» бились на межах.

Новое решение о межевании было принято царем и Думой в 1679 году, еще одно – в 1680 году. Вновь, в четвертый раз обещая провести межевание, царь отмечал, что даже среди высшего слоя его двора при разграничении владений «чинятся меж собою бои и грабеж, а у иных и смертные убийства»: для межевания в Московском уезде пришлось разработать «дополнительные статьи к наказу писцам».

Выезд писцов на границы владений был едва ли не опасней штурма Чигиринских высот: не прибьют, так наверное оклеветают! Царь запретил отвод межевщиков и обвинение их по любой статье Уложения (вплоть до покушения на государево здоровье): лишь в случае, если будет доказано неправоное межевание, у писца отбирали половину поместий и вотчин – и столько же отнималось у хозяина, обвинившего писца неверно; половина владений в обоих случаях оставлялась женам и детям.

Правительство долго еще пыталось пресечь «бой, и грабеж, и смертное убийство» при межевании и определить его правила, но тщетно. Утомившись уговаривать помещиков, Федор Алексеевич решил споры демократично: из собравшихся «для ратных и земских дел» дворянских представителей были сформированы две команды под предводительством молодых честолюбивых князей-соперников Ивана Голицына и Андрея Хованского, критически рассмотревшие статьи писцового наказа 1681 года.

Результаты были доложены Боярской думе, принявшей большинство поправок, поскольку соперничающие команды отразили самые общие интересы дворянского сословия. Внеся свои поправки, Дума всего за два заседания 7 и 17 марта 1682 года приняла удовлетворившие всех правила межевания. Но без воли Федора Алексеевича реализовать их не удалось.

Важная поправка к наказу межевщикам касалась вотчин монастырей, полученных ими после Уложения 1649 года, запрещавшего принимать по вкладам или покупать к

монастырским владениям новые земли. Дворяне потребовали и бояре согласились, что такие вотчины подлежат конфискации. Одного этого было достаточно, чтобы патриарх Иоаким невзлюбил молодого государя, несмотря на то, что в чине своего венчания на царство Федор Алексеевич отвел ему выдающееся место и позже шел на многие уступки.

В самом деле – если государь позволил патриарху распоряжаться при своем венчании на царство, то только в связи с тем, что в 1676 году впервые на высшем официальном уровне утверждалась формула Российского православного самодержавного царства. Если Федор Алексеевич поддерживал борьбу Иоакима с расколом, то он же, невзирая на недовольство патриарха, настойчиво добивался (и добился) возвращения из ссылки Никона.

В отношениях с Церковью Федор Алексеевич строго придерживался буквы закона (особенно в вопросе о землевладении) и интересов казны – вплоть до таких мелочей, как запрет духовным лицам пользоваться ямскими подводками на Сибирской дороге: их – де и чиновникам не хватает. Царь, разумеется, украшал церкви, выкупал христианских пленных и проводил весьма много времени на многочисленных торжественных церковных церемониях.

Не меняли несколько напряженные отношения с высшим Духовенством и экстраординарные успехи Федора Алексеевича в христианизации российских подданных. Метод царя был прост. В 1680 году он пожаловал группу крестившихся татар в князья и стольники, дал поместья и денежные оклады, простил повинности и провинности (вплоть до дезертирства). Пример оказался заразителен. В 1681 году мусульмане «и иных вер иноземцы многие» от Поволжья до Дальнего Востока крестились так дружно, что не хватало денег на обычные подарки новокрещеным и приходилось расплачиваться льготами.

Начало массовой христианизации позволило принять особые меры к упорствующим в иновереии, запретив им владеть вотчинами и поместьями с христианским населением. При этом крестьянам (например, мордовским) предлагалось креститься и таким образом освободиться от помещиков. К зиме 1682 года последним единичным нехристями было объявлено, что не «познавшие веру» до 25 февраля навечно лишатся дворянства, но таких оставалось мало.

По мнению царя, закрепление результатов христианизации и борьба с раскольниками (которые дошли до того, что разбрасывали «воровские письма на смущение народа» с Ивановской колокольни) требовали решительного укрепления церковной иерархии: на необъятное пространство страны приходилось вместе с патриархом всего семнадцать архиереев (девять митрополитов, шесть архиепископов и один епископ). К осени 1681 года Федор Алексеевич имел тщательно разработанный проект епархиальной реформы.

Государь исходил из того, что «заблуждения староверов и иноверцев коренятся в невежестве, а неспособность, подчас и нежелание приходских священников противостоять мнению паствы проистекает от недостатков церковного управления. Обширности и славе Российского государства, его роли оплота истинного христианского благочестия во вселенной должна соответствовать великая Церковь, в которой патриарху, как наместнику Христа, подчиняется двенадцать митрополитов (наподобие апостолов) и семьдесят архиепископов и епископов (шестьдесят из последних – через митрополитов).

Проект епархиальной реформы предусматривал соответствие административному делению государства, чиновной реформе, результатам подворного описания и изучения движений староверов, предусматривал источники содержания и подчинение каждой епископии. Однако патриарх долго откладывал рассмотрение проекта и только 15 октября, в ответ на письменное требование Федора Алексеевича, обещал представить его Церковному собору.

Вместо этого в ноябре 1681 года проект был обсужден и отвергнут собранием высшего духовенства, – в нем участвовали даже архимандриты крупнейших монастырей, которые могли бы претендовать на епископский сан в новых епархиях. Архиереи не пожелали пойти навстречу политическим потребностям государства, сократить свои не поддающиеся управлению огромные и беспорядочно расположенные епархии, раствориться среди десятков новых архиереев.

Царю было прямо заявлено, что установление иерархии митрополита, архиепископов и епископов невозможно «для того, чтоб во архиерейском чине не было какого церковного разногласия и меж себя распри и высости». Федор Алексеевич дважды сокращал проект, в результате чего от прежнего списка осталось семь архиепископов и двадцать епископов при двенадцати митрополитах, но и этот вариант, уже оформленный указом, не прошел. Нехотя духовенство согласилось, не меняя ничего по сути, учредить четыре архиепископии и семь епископий, а также повысить сан епископа Вятского.

Федор Алексеевич столкнулся с полным неприятием своих убеждений. Вместо решения многочисленных поднятых царем проблем с помощью убеждения, разумного просвещения и благотворительности, архиереи предлагали расширить монастырские тюрьмы и елико возможно более ужесточить по духовным делам «градской суд», «прещение и страх по градским законам», действия «караулов» и воинских команд. Провалив епархиальную реформу, Иоаким постарался и новую систему чинов представить как попытку расчленения страны между аристократами в духе Речи Посполитой.

Но даже смертельно больной Федор Алексеевич не сдавался. С февраля 1682 года по свою кончину он заставил Духовенство учредить несколько новых епархий и повысить статус старых, считая реформу утвержденной. Поскольку архиереи, невзирая на вред, наносимый

борьбе с расколом, отказывались признавать умершего Никона патриархом, царь демонстративно лично принял участие в его погребении, приказал поминать как патриарха и добился реабилитации Никона от Собора восточных патриархов.